

УДК 316.325

А.В. Дятлов, В.Н. Гурба

A.V. Dyatlov, V.N. Gurba

**СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
РОССИИ КАК ИСТОЧНИК
САМОДОСТАТОЧНОГО
РАЗВИТИЯ**

**SELF-RELIANT
DEVELOPMENT
OF SOCIAL RESOURCES
IN RUSSIA**

Данная статья посвящена проблеме самодостаточного развития России. В ней раскрываются новые ресурсы самообразования российского общества и то, что блокирует процесс конструктивных изменений, исследованы составляющие самодостаточного развития страны, дается социологический анализ российской элиты, так как самодостаточное развитие связано с национальной мыслящей элитой, сформированной в процессе развития, роста экономики и повышения инновационного потенциала общества.

This article is devoted to the sustaining development of social resources in Russia. It shows the new resources of self-forming Russian society and the factors that block the process of structural change. The authors investigate the components of sustaining development and give a sociological analysis of the Russian elite, for self-reliant development is linked to the national intellectual elite that formed in the process of national development, economic growth and in the period of increasing innovative potential of society.

Ключевые слова: *самодостаточное развитие, российская элита, пути развития России, инновационность.*

Key words: *self-reliant development, the Russian elite, the development of Russia, innovation.*

Дятлов Александр Викторович

Доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной регионалистики ИППК Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Dyatlov Aleksandr V.

Doctor of Sociological Sciences, Professor Department of Theoretical and Applied Regional Studies, Institute of Professional Development in the Area of Social Sciences, Southern Federal University (Rostov-on-Don)
E-mail:dyatlov@aanet.ru

E-mail:dyatlov@aanet.ru

Гурба Владимир Николаевич

Доктор социологических наук, заместитель полномочного представителя президента России в Южном федеральном округе (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: gursfedu@rambler.ru

Gurba Vladimir N.

Doctor of Sociological Sciences, Deputy Plenipotentiary Representative of the President in the Southern Federal District (Rostov-on-Don)

E-mail: gursfedu@rambler.ru

© Дятлов А.В., Гурба В.Н., 2014

© Dyatlov A.V., Gurba V.N., 2014

Уникальность любого общества определяется не столько его размерами и прочими внешними атрибутивными свойствами, сколько признаком самодостаточности, что выражается в способности самостоятельно создавать и воспроизводить феномен общественной жизни со всеми «социетальными» свойствами, дистанцирующими её от природных процессов. Закономерно напрашивается вопрос: что представляет из себя то «нечто», что способно превратить страну в социальную систему, достигающую высшего уровня самодостаточности?

Известный исследователь проблем постиндустриального общества В.Л. Иноземцев использует словосочетание «самодостаточное развитие» исключительно для так называемых развитых государств, тем самым не допуская для России перспективной модели развития, так как, по мнению его сторонников, в результате реформ, инициированных «догоняющей модернизацией» и «глобализацией», мы утратили «самодостаточность развития». Мнение же академика Г.В. Осипова по данному вопросу противоположно: «Россия – это единственная самодостаточная страна, одна из богатейших держав мира, занимает 10 % территории Земли при населении 2,4 % населения планеты. В России сосредоточено более 21 % мировых запасов сырьевых ресурсов, в том числе 45 % мировых запасов природного газа, 13 % нефти, 23 % угля. На одного жителя России приходится 0,9 га пахотной земли – на 80 % больше, чем в Финляндии, на 30 % больше, чем в США» [1, с. 21]. Справедливо также, что в России сосредоточено около трети мирового научного потенциала и сохраняется достаточно высокий образовательный уровень нации и квалифицированная рабочая сила.

Однако экологически-сырьевой кризис, деградация научного и образовательного потенциала, устаревшая техническая база являются очевидными характеристиками состояния развития современной российской экономики и общества. Положение в социально-демографической (депопуляция населения), в социокультурной (падение уровня образования и культуры в молодых поколениях россиян) сферах заставляет серьезно задуматься о возможности самодостаточного развития, которое не может основываться только на природном богатстве. Необходимо использовать другие важные условия, среди которых можно назвать новейшие технологии, инновационность основных групп населения, социальную респансивность экономики, культуру «консолидации», систему социальной безопасности.

В чем проявляются самодостаточность, новые ресурсы самообразования российского общества и что блокирует процесс конструктивных изменений? Характерно, что самодостаточное развитие представляется символом перехода от индустриального общества к постиндустриальному, производству знания вместо производства товаров. «Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производства, а уже как непосредственная производительная сила, становится фактором современного хозяйства» [2, с. 37]. Скромно умалчивается, что постиндустриальные увеличения основываются на переносе «грязных» промышленных технологий в страны со слабым экономическим законодательством, коррумпированной властью и дешевой рабочей силой, а эксплуатация сырьевых ресурсов стран периферии мировой хозяйственной системы принимает угрожающие для жизнедеятельности населения этих стран размеры.

Есть основания думать, что так называемое самодостаточное развитие является идеологическим инструментом для легитимации так называемого «глобального» порядка, так как связано с механизмами «перекачки ресурсов» из стран периферии методами экономического, политического, а иногда и военного насилия.

Отставание в информационных технологиях и исчерпаемость природных ресурсов подвигает к заключению, что западный вариант самодостаточного развития для России невозможен, учитывая, что, «несмотря на отмечающееся развитие Запада, потребительская цивилизация при забвении нравственных норм постепенно ведет планету к гибели» [3, с. 219].

Россия возлагает основные надежды на научный и профессиональный потенциалы, ибо оптимальная перспектива связывается с приходом энергичной, образованной элиты и инновационных слоев населения, способных оказать влияние на развитие страны, а также перевод экономики на режим социальной эффективности.

Российские исследователи подчеркивают некомпетентность российской элиты, которая несет отпечаток кризиса XX в., и это подготавливает к мысли, что все проблемы развития России состоят в смене элит, процесс активной ротации которой произойдет в течение 20–40 лет. Российская элита и субэлита, составляющие 6–8 % населения страны, ведающие ресурсами для сохранения своих социальных позиций, по своим структурным и функциональным характеристикам, за исключением узкого слоя менеджеров, не способна к принятию современных методов управления экономикой и политическому влиянию.

Элита, сформированная в процессе реформирования экономики, ориентируется на «максимизацию прибыли» через краткосрочные финансовые проекты, и управленческие функции замещаются потенциально распределительно-распорядительскими. В таких условиях усилия элиты

направлены на пролонгацию социального статуса, использование ресурса корпоративизма в частных целях. Т.И. Заславская выявляет, что «в элитном слое мы видим две наиболее мощные социально-политические силы: государственную и олигархическую. Достаточно заметно здесь влияние противоправных (криминальных) сил» [4].

Либералы выступают за умеренные инновации, которые бы способствовали отмиранию советского прошлого и доминированию «новых собственников». Сокращение числа сторонников либеральной модели связано с ростом количества тех, кто хотел бы видеть компетентного лидера, отвечавшего за экономику. Следует отметить, что это, с одной стороны, создает благоприятные условия для усиления роли элит в трансформационном процессе, с другой – показывает, насколько в российском обществе распространился синдром безответственности, нежелания брать на себя участие в решении обозначенных проблем. Между тем самодостаточное развитие определяется как существованием социально ответственной элиты, так и групп «общественного контроля» за деятельностью экономических и политических элит. В России избыточное количество бюрократии, но фактический дефицит тех, кто может претендовать на статус квалифицированных менеджеров, имеющих навыки работы в ситуации конкуренции и диверсификации производства. Несмотря на формирование элиты монополистов и «хапков», существует потенциал конструктивизма, самореализованный на региональном и отраслевом уровнях. Вероятно, российский прорыв возможен в секторах, в которых накоплен технический и профессиональный потенциал, где сохранили авторитет и опыт в международном разделении труда. Хозяйственные элиты, лидеры экономики (24–40 % высшей хозяйственной элиты) объективно ориентированы на самодостаточное развитие. Так называемая рыночная экономика, проявляемая как теоретическая конструкция, трудно реализуется в разбалансированной экономике и условиях отсутствия инновационных групп (российского среднего класса).

Российское общество ждет от элиты, как ресурсообеспеченной группы, класса квалифицированных управляющих, структурных и институциональных изменений для расширенного ресурсовоспроизводства. В российской экономике появился инновационный сектор, сектор знания, заимствованных технологий. В стране действует более 100 научно-исследовательских центров (биотехнология, энергетика, коммуникация). Социальное значение определяется не количеством персонала, а качеством выпускаемого продукта. На наш взгляд, перспективы – в развитии небольших высокоэффективных технологий.

Действительно, наблюдается рост «торговли технологиями» (в первую очередь оборонными), но при этом синдром «отставания», стратегия депендизма усиливает зависимость от внешних экономических и социаль-

ных влияний. Новый сектор «знания» оторвался от индустриальной экономики, угроза безработицы в сочетании с низкими доходами миллионов россиян делают новые технологии социально неэффективными. Новый сектор не может вместить всех претендентов, так как локализован, при этом существует возрастная дискриминация (до 40 лет), требуются «узкие» специалисты.

Социальная ответственность лежит даже не в реализации социальных программ, а в формировании сектора новых технологий, расширении затрат на НИОКР и подготовку специалистов по инновационным профессиям. Централизованность финансовых и образовательных ресурсов определяла достиженческие стратегии, миграцию в столицу талантливых ученых, артистов, деятелей культуры, а центробежные тенденции сопровождались позитивными изменениями в сторону хозяйственной, политической и культурной самостоятельности, но не привели к ожидаемому росту потенциала провинции. Провинциальный изоляционизм является качеством социальной традиционализации и демодернизации. Выживание связано с высокими адаптивными возможностями [6, с. 49] и недоверием к рефлексии и мобильности.

Развитие инновационных центров тормозится как тенденцией восстановления старой схемы «вертикальной интегрированности», построенной на «вертикальном распределении ресурсов», так и развитием горизонтальной координации в решении стратегических задач, когда провозглашаются реактивность и эмпиризм в оценке перспектив развития. Россия проскочила технический раздел 70-х гг. (М. Кафельс). Вернее, приняла мобилизационный, ориентированный на ВПК вариант технического роста. Неразумно объявлять приговор реально работающему сектору российской экономики, также рискованно видеть развитие инновационного сектора на основе саморазрушения ВПК. Сложившаяся динамика в США 70-х гг. возникла не в результате исчезновения крупных корпораций, ее развитие было связано с предложением новых товаров и услуг.

Российские наукограды могут трансформироваться в инновационные центры с ориентацией элиты (в том числе и региональной) на идеологию «роста», развитие модели «обращаемого ресурсораспределения», т.е. взаимных ресурсоконтактов центра и регионов. Данная перспектива может быть инструментальной, основанной на ожидании социальных дивидендов: движение к общественному консенсусу на основе традиционных базовых ценностей, отношения к государству как основной организующей силе кажется избыточно сентиментальным [5, с. 105].

Социологический анализ российской элиты обнаруживает «вакуум» компетентных управленцев. В то же время в обществе не существует потребности в авторитарном руководстве экономикой (7 % респондентов) [7, с. 40]. Поэтому претензии государственной бюрократии на руководство

«железной рукой» пагубны. Дело в том, что избирательное репрессивное право больше бьет по инновациям, но и, несомненно, может привести к уменьшению инновационного сектора. Как мы знаем, «китами» государственной бюрократии являются сырьевой комплекс, ВПК, машиностроение, АПК и, в последнюю очередь, информационно-технологический. Специфика последнего состоит в диверсифицированности, гибкости производственных связей, меньшей подверженности «внешнему» давлению.

Самодостаточное развитие обращается к исходящему вектору: в инновационный сектор необходимо вложить доходы от продажи сырья и совершить трансформацию образовательных и научно-исследовательских структур. Кстати, никто не спешит инвестировать в «традиционные» индустриальные страны, которые работают по принципу «остаточной эксплуатации».

Стране требуется сохранить и технически реконструировать 40–50 % индустриального потенциала советского периода, что можно сделать за счет рационального использования ресурсов предприятий, инновационного менеджмента и реальной поддержки государства. Как отмечает российский экономист Д. Львов, это позволит поддержать традиционные группы и сформировать антикризисный обрабатывающий сектор (30–50 % советского ВВП). При этом будут использованы ресурсы переданной хозяйственной и властной элит, составляющих 20–30 % российского ресурсообеспеченного класса. «Выдавливание» представителей инерционного развития и стимулирование прихода менеджеров новой волны являются взаимосвязанными процессами. Самодостаточное развитие не основано в целом на информационных технологиях, которые являются только условиями производства, возобновляемых ресурсов и экономией «знания» ресурсов. Таким образом, разнородность российской элиты можно использовать в траектории самодостаточного развития, когда каждый сможет включиться в процесс экономических и социальных изменений с пониманием своей компетенции в процессе социальных и экономических изменений [8, с. 29].

Инновационность так и не стала базисной ценностью общества, распространение получили так называемые паразитические инновации, связанные с использованием дисфункциональности социальных институтов (П. Штомпка). Вероятно, что в обозримом будущем не сформируется тип рациональной личности, потому что есть «современный потребитель», но на горизонте не видно «современного производителя». Так как не имеют реальной возможности повысить зарплату 36,7 % работающих по найму и 14,3 % занимающихся коммерцией, сделать карьеру – соответственно 39,8 % и 21,4 %, растет число тех, кто не видит реального пути разрешения своих жизненных проблем.

Чтобы преодолеть мощный депривационный эффект, революция ожиданий может быть направлена в русло «образовательного» и «научного

рывка», поддержки культуры и социальной самостоятельности молодежи. Инновационный потенциал российского общества невелик (12–15 % населения), но как раз «выталкивание» общества из состояния социальной апатии предстоит осуществить этим, находящимся на социальной периферии слоям. Государство привыкло к поощрению форм социальной зависимости, что снижает ресурсообеспеченность возможных субъектов самодостаточного развития.

Бывший экономический советник Б. Ельцина, А. Ослунд пишет, что русские полагают, что деньги надо вкладывать туда, куда советует их влиятельный друг из правительства. Естественно, социальные инвестиции окупаются в течение 30-40 лет. Очевидно, что образование может быть конкурентным на глобальном рынке. Россия от обучения иностранных студентов могла бы получать не меньше денег, чем от вывоза цветных металлов. Но образование в России подвержено иным влияниям, воспроизводству социального расслоения общества: разделение на элитарное и государственное образование привело к стагнации.

В.Л. Иноземцев обращает внимание на то, что «деятельное развитие» требует колоссальных инвестиций, ресурсов [9, с. 252]. Действительно, 70 % инвестиций идет в экспортоориентированные, добывающие отрасли, производство электроэнергии. Воспроизводится квазистабильная социальная структура и усиливается социально-производственная и территориальная стратификация. Непривилегированные слои населения, не получившие ничего взамен, становятся потребителями экономических, экологических и социальных рисков. В результате инновационный потенциал общества трансформируется в адаптивные, так называемые доминантные секторы иммобилизованы, развращены высокими доходами, а производственные и социальные издержки переносятся на общество. Такая ситуация оказывает «парализующее» воздействие на инновационный потенциал общества, так как «благополучные» регионы вынуждены затрачивать на социальную помощь, ликвидацию техногенных катастроф и другие неинвестиционные проекты 70–80 % поступлений от государства и экспортоориентированных собственников.

Т.И. Заславская полагает, что одним из механизмов социально-инновационной активности является создание и использование институтов конкуренции, с другой стороны – неформальных социальных сетей [4, с. 500]. Инновационность определяется рационализацией социальных отношений и становлением аморфной структуры общества через горизонтальные связи, реально представляет процесс «дисперсии» социальных ресурсов. Ни одна социальная группа не может обеспечить потенциал «саморазвития», горизонтальные связи сводятся к неформальным солидарностям, негативной мобилизации и системам «самопомощи». Традиционализацией теневых практик эти слои затрудняют переход к институциональным иннова-

циям, когда неэффективна система конвертации асоциального поведения в поиск новых траекторий социального развития.

В обществе накопился потенциал социальной энергии, но его использование для самодостаточного развития проблематично, так как высока вероятность конфликтности так называемого адаптированного большинства и инновационного меньшинства в хозяйственной, политической и культурно-идеологической сферах. Предписанные обществу институционально-правовые свободы адекватны схемам «обогащения», «овладения ресурсами», так как основываются на неравном доступе к праву и исключению зависимости от формальных правовых структур.

В период социальных трансформаций деструктивные изменения превышают конструктивные, что мы видим в превышении критических показателей российского общества. Идеология «квазистабильности», наведения порядка в экономике и обществе связывается, как мы выяснили в процессе исследования, с возвращением к редистрибутивным институтам (С.Г. Кирдина) и усилением влияния «стабилизирующих» групп. Однако возникает проблема социального согласия: «преуспевающие» и неадаптированные слои населения исходят из разных точек отсчета. Элита не может быть арбитром, так как несет прямую ответственность за демодернизацию экономики, социальное расслоение, нарастание социальных рисков и культурно-ценностную дезориентацию общества. Догоняющая модернизация, которая характеризуется изменениями «сверху», приводит к абсолютной технической, интеллектуальной и культурной зависимости от глобальной миросистемы [9, с. 111]. Ресурсы саморазвития переориентируются на обмен в глобальном пространстве: «делание денег» и готовность заимствовать, как социально значимые ценности, значительно снижают мобилизационный и консолидационный потенциал общества.

Самодостаточное развитие нацелено на формирование потребности в творчестве, изобретениях и использовании инноваций, так что без развития инновационного потенциала общества нельзя надеяться на изменение вектора развития. Инновационная способность частного сектора, как подчеркивает Т.И. Заславская, систематизируется в теневых практиках, росте паразитических инноваций. Кризисные ситуации, бифуркации в развитии вынуждают элиты обратиться к «островкам стабильности» в науке, образовании, технологиях.

Ориентация на повышение эффективности инерционного общества бесперспективна. Но объединение на идейных принципах (корпоративных, либеральных), когда необходим социокультурный сдвиг, повышение деятельностного коэффициента общества. Перемещение инновационной деятельности из сферы «ресурсозатратности» в ресурсопроизводство связано с инвестициями в социальную сферу. Источником выступает социально респонсивная экономика, интересы которой определяются социаль-

ной эффективностью, максимизацией прибыли на основе новейших технологий и использованием профессионально-квалификационного потенциала общества.

Отказ от роли рынка, как саморегулирующегося механизма, в пользу самоопределения и самореализации общества утверждает приоритеты социальной безопасности и всеобщего благосостояния (А. Этциони). Самодостаточное развитие, на наш взгляд, есть процесс «социализации» экономики и общества, создание условий для действий социальных групп с инновационным потенциалом и приверженных идеям самоопределения, социальной и профессиональной автономии.

Современный кризис в России – это, прежде всего, «разруха в головах людей». Общество не пережило таких «реформ», деструктивных изменений, пленено так называемыми адаптивными стратегиями. Ясно, что самодостаточное развитие хотя бы дает возможность ответить на вызовы глобализации, и уже в таком скромном формате есть шанс предсказуемости и общественного договора, который по традиции в России стремится обозначить «навязывание» политической воли различных групп элиты. Но более реально рассчитывать на то, что разные аспекты самодостаточного развития осмыслены инновационными группами в обществе. Риски, исходящие от перспективы перемен, менее разрушительны, чем от людей, демонстрирующих идею «рыночной свободы» или возвращения в «ресурсодефицитное» общество, готовых ради мобилизационных проектов «перемолоть в жернове истории» целые социальные группы и слои населения России.

Литература

1. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. М.: МГУ, 2003.
2. Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Академия, 1999.
3. *Найбороденко Н.М.* Прогнозирование и стратегия социального развития России. М.: Маркетинг, 2003.
4. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
5. *Белов М.Т., Любченко В.С.* Властная элита: процессы трансформации российского социума. Ростов н/Д, 2002.
6. *Волков Ю.Г., Попов А.В.* Про-

References

1. *Osipov G.V.* Russian Sociology in the XXIst Century. M.: Moscow State University, 2003.
2. A New Post-Industrial Wave in the West. M.: Academy, 1999.
3. *Nayborodenko N.M.* Forecasting and Strategy of Social Development in Russia. M.: Marketing, 2003.
4. *Zaslavsky T.I.* Societal Transformation of Russian Society: Activity and Structural Concept. M.: Delo, 2002.
5. *Belov M.T., Lubchenko V.S.* Power Elite: the Processes of Transformation of Russian Society. Rostov-on-Don, 2002.
6. *Volkov Y.G., Popov A.V.* Prob-

блемы формирования идеологий рыночного развития. Ростов н/Д, 2000.

7. *Гребешенко С.Ф.* Куда и почему идет Россия? // Социологические исследования. 1999. № 7.

8. 10 лет реформ глазами россиян. М.: РНИСиНП, 2002.

9. *Иноземцев В.Л.* Пределы догоняющего развития. М.: Экономика, 2000.

blems of Forming the Ideologies of Market Development. Rostov-on-Don, 2000.

7. *Grebeshenko SF.* Where and Why is Russia Going? // Sociological Studies. 1999. № 7.

8. Ten Years of Reforms through the Eyes of Russians. M.: RNISiNP, 2002.

9. *Inozemtsev V.L.* Limits of Catching up. M.: Economics, 2000.